

Предисловие автора

О диалектах и исторической терминологии

В современном мире, где царят разобщенность и всевозможные предрассудки, связанные с расами, принадлежностью к тому или иному классу, особенностями диалектов и так далее, писать о прошлом непросто. Сегодня многие слова и выражения, которые были широко распространены всего полвека назад, нам кажутся необычными и могут резать слух. То же можно сказать и о диалектных вариациях, до сих пор остающихся нормой в некоторых частях нашей страны. Надеюсь, это значит, что мы стали более грамотными. Но здесь же таится и своя опасность: мы рискуем уничтожить все особенности, смешав, что *было* и что *есть*, ради соответствия некоему надуманному стандарту, который, по сути, унижает тех, о ком мы пишем. Люди — из прошлого и из настоящего — это прежде всего личности. Все они наделены своей манерой речи и образом мыслей, сформированными опытом, географией и временем. Поэтому мне как писательнице важно с уважением относиться к подлинным голосам и насколько возможно точно передавать дух той или иной эпохи, а не ставить крест на истории человека лишь потому, что она не прошла бы проверки у какого-нибудь именитого грамотея.

Я по возможности постаралась сохранить различные особенности луизианского и тexasского диалектов, забытые нюансы речи людей, живших в тот исторический период, а также примеры расовой и этнической лексики, с которой пришлось бы столкнуться моей героине Ханни. У истории есть чему поучиться. Отчасти поэтому я включила в текст подлинные объявления о поиске пропавших друзей. В них содержатся невымышленные рассказы реальных людей — своеобразные свидетельства их жизни и борьбы, которые история сохранила для потомков. Не хватит слов рассказать, как много я почерпнула из их откровений, и я бесконечно им благодарна за эти уроки, преподанные нам такой страшной ценой.

Пролог

Крохотная божья коровка легко, точно перышко, опускается на палец учительницы и цепко хватается за него — эдакий живой драгоценный камешек, крапчатый рубин с лапками. Но вскоре ветерок увлекает маленькую гостью за собой.

«Божья коровка, ты прочь скорей лети! Пожар у тебя в доме! Детишек не спасти», — вспоминает учительница строчки из старой детской песенки и чувствует, как сердце наполняется печалью. Она касается плеча одной из своих подопечных и ощущает влажное тепло под платьем из грубого ситца. Пришитый вручную воротник, сбившийся набок, приоткрывает золотисто-коричневую кожу — наряд слишком велик для девочки, облачившейся в него. Из-под широкого рукава с пуговками проглядывает плотный, бугристый шрам. «Откуда он у ребенка?» — удивляется учительница, но решает не углубляться в эти мысли. Что это изменит? Шрамы есть у каждого из нас.

Она обводит взглядом импровизированный класс, устроенный под сенью деревьев: грубо сбитые бревенчатые скамейки, занятые девочками, чья расцветающая женственность становится все заметней, и мальчиками, готовыми вот-вот переступить порог

взрослой жизни. Склонившись над покосившимися столиками, заваленными перьями и промокашками и уставленными чернильницами, они беззвучно шевелят губами, внимательно перечитывая свои записи, — ученики готовятся к важному заданию, которое вскоре последует.

Все, кроме одной.

— А ты что, уже готова? — спрашивает учительница, заглядывая девочке через плечо. — Можешь прочесть свою работу вслух?

— Не могу, — еле слышно отвечает она. Похоже, девочка уже смирилась с поражением. — Они же все... смотрят, — она испуганно оглядывает зевак, собравшихся вокруг их необычной классной комнаты: состоятельных мужчин в ладно скроенных костюмах, женщин в дорогих платьях, нервно обмахивающихся на полуденном зное цветными листовками и бумажными веерами — теми, что остались от прошедших утром жарких политических дебатов.

— А вдруг получится? Нельзя вот так сдаваться, не попробовав! — говорит учительница. О, до чего же ей знакома эта девичья робость! Минуло не так уж много лет с тех пор, как она сама была такой же: неуверенной в себе, объятай страхом. Даже парализованной им — иначе и не скажешь.

— Не могу, — жалобно повторяет девочка, схватившись за живот.

Приподняв подол пышных юбок, чтобы не запачкать их грязью, учительница опускается на корточки и заглядывает ученице в глаза:

— А от кого же еще, если не от тебя, им узнать, каково это — когда тебя похищают из семьи? Когда приходится писать объявление, чтобы получить хоть какую-то весточку от родных и любимых, а потом, скопив пятьдесят центов, подавать его в газету «Юго-Запад», чтобы его смогли прочесть во всех окрестных

штатах и землях? Как они поймут, что значит упорно жаждать ответа на вопрос: есть ли рядом хоть кто-то из близких?

Худые плечи девочки приподнимаются и снова поникают.

— Но ведь они тут собрались вовсе не для того, чтобы послушать меня. Это все ничего не изменит.

— Как знать. Самые важные шаги в жизни всегда связаны с риском, — говорит учительница. Уж она-то как никто другой знает цену этим словам! Однажды и ей придется отправиться в такое же путешествие, где этого самого риска будет предостаточно.

Впрочем, сегодня речь совсем не о ней, а о ее учениках, о разделе «Пропавшие друзья» в газете «Христианский Юго-Запад» и обо всем, что с этим связано.

— Должны же мы, в конце концов, поведать нашу историю! Назвать имена! Есть одна старая поговорка: «Человек впервые умирает, когда перестает дышать. А вторая смерть приходит, когда его имя звучит в последний раз». И если над первой смертью мы не властны, то второй можем избежать — или хотя бы попытаться это сделать.

— Будь по-вашему, — уступает девочка и, глубоко вздохнув, просит: — Но лучше, чтобы я была первой, а то еще духу не хватит. Можно, я начну прямо сейчас, а остальные — потом?

Учительница кивает:

— Начинай, а другие, думаю, всё поймут и подтянутся, — она делает шаг назад и обводит взглядом остальных ребят.

«Все они со своей историей, — думает учительница. — Все разделены с близкими огромным расстоянием, людскими ошибками и жестокостью. Все терзаются мучительной неизвестностью».

И хотя она отчаянно сопротивляется этим мыслям и готова отдать все, лишь бы их отогнать, в ней поднимается ее собственная боль, оставившая на душе шрам. Тот, что глубоко спрятан,

подальше от чужих глаз. Она вспоминает и свою любовь, с которой ей пришлось разлучиться. Где всё это теперь? Кто знает?

Под гул голосов, в котором угадывается плохо скрываемое нетерпение, девочка поднимается с места и идет между скамеек. Двигается она скованно, но эта скованность странным образом придает ее осанке чуть ли не царственность. Затихает громкий шелест бумажных вееров и шуршание листовок, а девочка поворачивается к слушателям и начинает свою историю:

— Меня... — ее голос дрожит. Она обводит толпу взглядом, пока ее пальцы мнут грубые складки бледно-голубого ситца. И тут время словно застывает, точно божья коровка, раздумывающая, сделать ли ей передышку или продолжить полет. Наконец девочка решительно вскидывает подбородок: — Меня зовут Ханни Госсетт.

Ее голос летит над одноклассниками и достигает ушей зевак, вызывая к их вниманию. Сегодня она не станет молчать. Сегодня ее имя услышат все.

Потерянные друзья

Объявления подписчиков мы размещаем бесплатно. Цена публикации для всех остальных — пятьдесят центов. Сердечно просим священников зачитать своей пастве приведенные ниже истории и непременно сообщить нам, если письма в «Юго-Западе» действительно помогут кому-нибудь воссоединиться.

Уважаемая редакция! Я очень хочу разыскать своих близких. Мою мамушку зовут Митти. Я средняя из девяти ее детей. Мое имя Ханни Госсетт, а остальных зовут — Харди, Хет, Пратт, Эфим, Эдди, Истер, Аик и Роуз. Бабушку звать Кэролайн, а дедушку — дед Олли. Еще у меня есть тетя Дженни. Ее муж, дядя Клем, погиб на войне. У тети Дженни четверо дочерей — Азель, Луиза, Марта и Мэри. Нашего первого хозяина звали Уильям Госсетт, мы жили у него на плантации Госвуд-Гроув, но потом началась война и он решил переправить нас из Луизианы в Техас, где было безопасно, и разбить там новую плантацию. Но по пути случилась беда: нас всех выкрал Джемта Лоуч, племянник миссис Госсетт.

Он погнал нас по Олд-Ривер-роуд, на юг от Батон-Руж, а потом мы шли через всю Луизиану — сперва на север, а затем на запад, в сторону Техаса. Моих братьев, сестер, кузин и тетушку распродали в Биг-Крике, Джетте, Уинфилде, Сэйлайне, Кимболлсе, Гринвуде, Бетани и, наконец, в тexasском городе Пауэлле, где нас с матушкой разлучили. Больше мы с ней не виделись. Меня новые хозяева купили в Маршалле, что в Техасе, и единственную из всех вернули Госсеттам, когда узнали мою подлинную историю. Я повзрослела, и все у меня хорошо, но я очень скучаю по своей матушке, и любые сведения о ней или о ком-нибудь из родных стали бы для меня большой радостью.

Молю небеса о том, чтобы пасторы и друзья вняли крику моей отчаявшейся, измученной души и прислали мне весточку в Госвуд-Гроув, Огастин, Луизиана. Буду признательна и благодарна за любые сведения.

Глава первая

Ханни Госсетт. Луизиана, 1875

Видения подхватывают меня, точно порыв ветра пыльцу, и в который уже раз, вырвав из мирного забытья, уносят в прошлое — на целую дюжину лет назад. Я чувствую, как мое девичье, уже почти женское тело вновь становится телом шестилетней девочки. И, несмотря на мое сопротивление, я снова вижу ее глазами все то, что случилось тогда.

Сквозь щели в деревянном частоколе я различаю покупателей, собравшихся на торговом дворе. Под ногами у меня — позимнему стылая земля, истоптанная множеством чужих ног: больших, как у мамы, маленьких, как у меня, и совсем крошечных, как у Мэри-Эйнджел. Куда ни глянь, на влажной земле повсюду следы от пальцев и пяток.

Интересно, сколько людей побывало тут до меня, гадаю я. Тех, у кого тревожно колотится сердце, а мышцы болят от натуги, тех, кому некуда бежать.

Сотня сотен! А пяток — вдвое больше. А пальцев — и во все десятиро. Но такой сложный подсчет мне пока не под силу. Всего несколько месяцев назад мне исполнилось шесть. Сейчас на дворе «фырваль» — правильное название этого месяца мне

все никак не дается. Язык не слушается, как ни старайся, и выходит что-то вроде бляенные овцы: «фыр-ва-ва-валь». Братья и сестры — все восемь! даже самые младшие! — смеются надо мной. Дело обычно кончается дракой, если, конечно, матушка ушла работать на поле вместе с остальными, или в прядильню, чесать шерсть и ткать.

Возня наша не кончится, пока деревянная хижина не затрясется, а кто-нибудь из детей, вылетев в дверь или в окно, не зайдется ревом. Тут уж на крик непременно явится старая Тати и, вскинув клюку, скажет: «Ох и задам я вам сейчас, ежели не присмирее-те!» Да как начнет нас лупить по ногам и задницам — не сильно, лишь ради игры. Мы собьемся в кучу, лезем друг на друга, точно козлята в попытке сбежать через забор. А затем — шмыг под кровати, и лишь колени да локти торчат оттуда.

Вот только больше этому не бывать. Всех матушкиных детишек — кого по одному, кого по двое — забрали. Тетушку Дженни-Эйнджел и трех ее дочек — тоже. Всех их успели распродать на торговых дворах, пока мы шли с юга Луизианы почти до самого Техаса. Дни сливаются в один большой день, и уже сложно понять, где мы, но нас все гонят за повозкой Джепа Лоуча: руки взрослых скованы цепью, чтобы никто не сбежал, а нам, детям, ничего не остается, кроме как шагать следом.

Ночи и того хуже. Каждый раз мы молим небеса, чтобы Джепа Лоуча поскорее сморили усталость и виски. Но если он не засыпает, с матушкой и тетей Дженни случается страшное. А теперь и вовсе с одной только матушкой, ведь тетю Дженни продали. Нас осталось двое: матушка да я. И еще маленькая дочурка тети Дженни — Мэри-Эйнджел.

Каждый раз, когда выдается минутка, мама вполголоса повторяет мне имена всех тех, кого у нас забрали, имена покупателей, победивших в торгах, названия мест, куда потом угнали наших

близких. Начинаем мы с тети Дженни и ее трех старших дочерей. Следом вспоминаем моих братьев и сестер — от старшего к младшему: Харди — на Биг-Крик, покупатель — Ле-Бас из Вудвилля. Хет — у Джетта, купил человек по имени Палмер из Биг-Вудз...

Пратт, Эфим, Эдди, Истер, Айк и малышка Роуз, которую вырвали у матушки из рук в местечке под названием Бетани. Малышка плакала, а мама не хотела ее отпускать и умоляла о пощаде.

— Нас нельзя разлучать! — повторяла она. — Малютка еще грудная! Малютка...

Стыдно об этом вспоминать, но тогда я схватилась за матушкину юбку и, не сумев сдержать слез, закричала:

— Нет, мамочка! Хватит! Не надо!

Меня всю трясло, а в голове одна за другой проносились страшные мысли. Я боялась, что маму сейчас заберут, повозка снова двинется в путь, а мы с сестренкой Мэри-Эйнджел останемся вдвоем.

Джеп Лоуч задумал распродать нас всех, а выручку прикарманить, вот только он старался нигде не задерживаться, а потому в каждом новом селении сбывал одного-двух человек, не больше. Говорил, что дядя якобы ему разрешил, — вот только это неправда. Старый масса и его супруга попросили его сделать то, что сделали многие жители юга Луизианы, когда янки на своих лодках объявились в окрестностях Нового Орлеана, — переправить рабов на Запад, где федералы не смогут их освободить. Мы должны были временно поселиться на техасских землях Госсеттов и оставаться там, пока война не закончится. Вот почему они нас отпустили с Джепом Лоучем, но он обманул их.

— Масса Госсетт сразу нас разыщет, как только узнает, что Джеп Лоуч его одурачил! — вновь и вновь повторяла матушка. —

И Джепа в армию спровадит, на фронт, — неважно, что он племянник хозяйки! Не спасет его это! Ему еще повезло, что хозяин вечно за него взятки дает — а не то бы давно уже щеголял в солдатской одежке! Но тут уж ему никак не отвертеться! Скоро распрощаемся с ним, недолго осталось. Помяни мое слово! Потому что мы имена всех пропавших и повторяем, чтоб не забыть, кого где искать, когда хозяин вернется. Ты их тоже назубок выучи — на случай, если тебя первой отыщут.

Но надежда на лучшее так же слаба, как зимнее солнце, что пробивается сквозь густой сосняк Восточного Техаса. Мы по-прежнему сидим в бревенчатом домике во дворе у торговца. Нас осталось всего трое: мама, я да Мэри-Эйнджел, и сегодня кого-то из нас продадут. Может, даже нескольких. И снова у нашего похитителя в карманах забренчат монеты, а тот, кого Джек Лоуч оставит себе, потащится дальше, вслед за его повозкой. Лоуч напьется на радостях, что снова обвел вокруг пальца свою же родню и разжился деньгами. Все хозяйкины родственники — все семейство Лоучей — негодяи, каких поискать, но до Джепа им всем далеко. Да что уж там, даже хозяйка с ним не сравнится! Уж на что она дьявол во плоти, но Джек стократ хуже!

— Ханни, не стой там, ступай-ка сюда, — зовет матушка.

Но тут дверь распахивается. Помощник торговца — огромный, точно гора, и такой смуглый, что кожа его цветом напоминает глаза оленя, — хватает Мэри-Эйнджел за ручку. Матушка обнимает ее, слезы ручьями текут по ее щекам, она шепчет помощнику:

— Нездешние мы! Чужие! Нас выкрали у хозяина, Уильяма Госсетта, с плантации Госвуд-Гроув, и погнали по Ривер-роуд, на юг от Батон-Руж! И привели сюда! Мы... мы...

Она падает на колени, закрывает Мэри-Эйнджел своим телом, точно хочет спрятать ее от целого мира.

— Умоляю вас! Сжальтесь! Он уже продал мою сестру, Дженни! И всех детишек ее, кроме этой малютки! И моих тоже распродал — только вот Ханни осталась! Прошу вас! Заберите нас вместе! А хозяину скажите, что малютка хворает и ей нужен уход! Скажите, что мы продаемся только в одни руки! Что нас нельзя разлучать! Прошу вас! Молю! Скажите, что нас похитили у Уильяма Госсетта из Госвуд-Гроув, что у Ривер-роуд! Краденые мы! Ворованные!

Помощник устало ворчит в ответ:

— Увы, ничем подсобить не могу. Да и никто не может. Отпусти девушку, а не то хуже будет. Сегодня велено продать двоих. В разные руки. По очереди.

— Нет... — матушка крепко зажмуривается и вновь открывает глаза. Поднимает взгляд на помощника и кричит, задыхаясь от слез, брызжа слюной: — Тогда скажите хозяину моему... Уильяму Госсетту... когда он придет за нами... скажите, где нас искать! Назовите имя того, кто нас купит, и место, куда нас погонят! Масса Госсетт нас всех непременно найдет, он всех соберет и переправит в Техас! В убежище!

Помощник ничего на это не отвечает, а матушка, повернувшись к Мэри-Эйнджел, достает из кармана комочек грубой коричневой ткани, отрезанной от тяжелой теплой нижней юбки тетюшки Дженни-Эйнджел во время одной из стоянок. Матушка вместе с тетей сшили пятнадцать крошечных мешочков и перевязали их джутовыми шнурами, тайком отрезанными от повозки.

В каждом мешочке лежало по три синих стеклянных бусины, снятых с украшения, которое очень любила и берегла наша бабуля. Эти самые бусы были главным ее сокровищем, и приехали они из самой Африки! «Мои дед с бабкой оттуда родом», — охотно рассказывала она зимними вечерами, когда мы собирались у ее ног, в полукружье света от сальной свечи. Она рассказывала